Именем
Российской Федерации

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Феофиловой Оксаны Олеговны

город Санкт-Петербург 20 октября 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, В.В.Коробченко, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47^1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки О.О.Феофиловой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли

Конституции Российской Федерации оспариваемое заявительницей законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Ю.Бушева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Гражданка О.О.Феофилова оспаривает конституционность части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации, устанавливающей, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных частью второй статьи 96 данного Кодекса; в случае, если иск удовлетворен частично, указанные в статье 98 данного Кодекса судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

1.1. О.О.Феофилова является адвокатом, состоит в Адвокатской палате Белгородской области. 12 ноября 2020 года между заявительницей и гражданином А.М. было заключено соглашение об оказании ему юридических услуг, включая принятие мер по возврату принадлежащего ему имущества и восстановлению его нарушенных прав, в том числе путем подготовки и подачи в суд искового заявления, а при необходимости – также апелляционной, частной, кассационной жалоб и возражений на них, заявления о возмещении судебных расходов, иных процессуальных документов в интересах А.М., а равно и представления его интересов в судах соответствующих инстанций.

Указанным соглашением был установлен порядок определения размера вознаграждения О.О.Феофиловой, предусматривавший выплату ей в связи с рассмотрением дела в судах первой и апелляционной инстанции денежных средств в размере 10 процентов от стоимости признанного за

А.М. на праве собственности имущества или взысканных в его пользу денежных средств, но не ниже стоимости, определенной методическими рекомендациями по размерам оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям в Белгородской области (утверждены решением Совета Адвокатской палаты Белгородской области от 12 марта 2015 года). Размер вознаграждения в связи с рассмотрением дела в суде кассационной инстанции и рассмотрением вопроса о возмещении судебных расходов подлежал определению согласно критериям, приведенным в тех же методических рекомендациях. Кроме того, между А.М. и О.О.Феофиловой заключен договор уступки требования (цессии) от 15 марта 2021 года, по условиям которого А.М. уступает в пользу заявительницы – в счет исполнения его обязательства по упомянутому соглашению об оказании юридических услуг – требование к его процессуальному оппоненту, гражданке Т.М., о возмещении судебных расходов, понесенных им в связи с рассмотрением гражданского дела, возбужденного по иску А.М. к Т.М. о разделе имущества.

Определением суда апелляционной инстанции, с которым согласился суд кассационной инстанции, отменено решение районного суда по указанному гражданскому делу и удовлетворена бóльшая часть (по оценке судов – 93 процента) имущественных требований истца. В связи с этим О.О.Феофилова обратилась в суд с заявлением, в котором просила признать ее процессуальным правопреемником А.М. по названному гражданскому делу в части права на возмещение понесенных судебных расходов и взыскать с Т.М. расходы в общей сумме 451 129,32 руб.

Апелляционным определением Белгородского областного суда от 5 марта 2024 года (принятым при новом рассмотрении дела) оставлено без изменения определение Белгородского районного суда Белгородской области от 22 мая 2023 года, которым заявление О.О.Феофиловой удовлетворено частично, с Т.М. в ее пользу взысканы судебные расходы в общей сумме 23 018 руб., включая расходы на оплату проведения

судебных экспертиз и ее транспортные расходы в качестве представителя. При этом суды отказались признать в числе подлежащих возмещению судебных расходов также расходы на оплату оказанной ею А.М. юридической помощи, отметив со ссылкой в том числе на ряд положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, что юридически значимым обстоятельством при рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов является факт несения расходов на оплату услуг представителя; между тем заявительница не представила доказательств исполнения договора возмездного оказания юридических услуг и осуществления оплаты оказанных юридических услуг в заявленном размере. С этим выводом согласился Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 2 августа 2024 года. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2025 года отказано в передаче кассационной жалобы О.О.Феофиловой для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

1.2. По мнению заявительницы, оспариваемое законоположение противоречит статьям 8, 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, оно допускает оплату оказания юридической помощи только в денежной форме и тем самым исключает возможность предусмотреть ее оплату путем уступки права на возмещение судебных расходов в пользу представителя (адвоката).

Таким образом, с учетом предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая статьи 98 ГПК Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о признании расходов на оплату услуг представителя понесенными стороной, в пользу которой состоялось решение суда, в случае уступки

этой стороной своему представителю права на возмещение указанных расходов в счет выплаты ему вознаграждения за оказанные услуги.

2. Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что статья 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, предусматривающая право каждого на судебную защиту его прав и свобод, выступает гарантией в отношении всех других конституционных прав и свобод, а потому его осуществление предполагает их эффективное восстановление посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям равенства и справедливости. В связи с этим на законодателя возлагается обязанность создать полноценный нормативный механизм реализации права на судебную защиту, поскольку оно, как это вытекает из названного положения Конституции Российской Федерации, не означает наличия у гражданина возможности выбора по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, которые согласно статье 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации должны определяться законодательными актами на федеральном уровне с учетом особенностей отдельных категорий дел (постановления от 21 января 2019 года № 6-П, от 28 октября 2021 года № 46-П, от 28 мая 2024 года № 26-П и др.).

При установлении соответствующего регулирования законодателю, наделенному широкой свободой усмотрения при создании процессуальных механизмов судебной защиты прав и законных интересов, надлежит, как также отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, стремиться к тому, чтобы такие механизмы обеспечивали эффективную – с учетом объективно складывающейся специфики регулируемых отношений – возможность принудительной реализации заявленных материально-правовых требований. Во всяком случае, обращение к тем или иным способам судебной защиты не может обусловливаться возложением на заинтересованное лицо необоснованных и чрезмерных обременений, которые своей тяжестью могли бы обессмыслить достигнутые процессуальные результаты и тем самым обесценить саму возможность доступа к правосудию.

Это в полной мере относится к такому необходимому и существенному элементу восстановления нарушенных или оспоренных прав, как порядок распределения между участвующими в деле лицами судебных расходов, регулирование которого в соответствии с требованиями равенства и справедливости должно быть ориентировано на максимальную защиту имущественных интересов лица, защитившего или восстановившего свои права посредством участия в судопроизводстве (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 года № 20-П, от 28 октября 2021 года № 46-П и от 28 мая 2024 года № 26-П). Признание права на присуждение судебных расходов за лицом (стороной), в пользу которого состоялось судебное решение, соответствует также принципу полноты судебной защиты, поскольку призвано восполнить лицу, чьи права нарушены, вновь возникшие и не обусловленные деятельностью самого этого лица потери, которые оно должно (вынуждено) было понести для восстановления своих прав в связи с необходимостью совершения действий, сопряженных с возбуждением судебного разбирательства и участием в нем (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2021 года № 37-П и др.).

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что требование о взыскании судебных расходов всегда рассматривается судом в рамках того гражданского дела, по которому суд принимает решение по существу, а распределение судебных расходов – хотя оно и влечет для сторон определенные материально-правовые последствия, – тем не менее, как не влияющее на выводы суда относительно предмета спора, является производным от результатов разрешения судом соответствующего дела по существу. Поэтому в случаях, когда вопрос о распределении судебных расходов, являющийся процессуальным вопросом, разрешается судом первой инстанции не в самом решении по гражданскому делу, а отдельным постановлением, такое постановление выносится в форме определения (Постановление от 20 октября 2015 года № 27-П; определения от 21 марта

2013 года № 461-О, от 11 июня 2024 года № 1324-О, № 1436-О и др.). Возмещение судебных расходов в самостоятельном процессе не исключается только при отсутствии норм о возмещении расходов, являющихся по своей природе процессуальными, т.е. в условиях явного правового пробела (Постановление от 10 января 2023 года № 1-П; определения от 27 марта 2025 года № 834-О, от 27 ноября 2025 года № 2992-О и от 28 мая 2026 года № 1534-О).

2.1. Задачей гражданского судопроизводства в его конституционном значении (статья 15, часть 1; статья 118, часть 2; статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации) является разрешение споров о праве и других дел, отнесенных к компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Соответственно, основным предметом судебной деятельности в гражданском судопроизводстве является разрешение спора о праве, которым в системе норм действующего гражданского процессуального права признается предполагаемое спорное материальное правоотношение. Конституционный Суд Российской Федерации при этом обращал внимание на тесную связь между процессуальным и материально-правовым правопреемством как институтами различной отраслевой принадлежности, поскольку необходимость привести процессуальное положение лиц, участвующих в деле, в соответствие с их юридическим интересом обусловливается изменениями в материально-правовых отношениях (Постановление от 16 ноября 2018 года № 43-П).

Сообразно этому в статье 44 ГПК Российской Федерации установлено, что в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником (часть первая).

Таким образом, по общему правилу, гражданское процессуальное законодательство не предполагает возможности перехода тех или иных элементов гражданского процессуального статуса лиц, участвующих в деле

(включая процессуальные права и обязанности), отдельно от соответствующих материальных прав и обязанностей.

2.2. Право на возмещение судебных расходов, включая судебные расходы на оплату услуг представителя, является одним из элементов гражданского процессуального статуса сторон и третьих лиц (часть первая статьи 42, части первая и четвертая статьи 98, часть первая статьи 100 ГПК Российской Федерации), присущим им вследствие их участия в соответствующих материальных правоотношениях.

Что касается представителей лиц, участвующих в деле, то сами они согласно статье 34 ГПК Российской Федерации лицами, участвующими в деле, не являются. Это обусловлено тем, что процессуальный статус представителя не требует наличия у него ни личной, ни служебной заинтересованности в исходе дела в том значении, в каком она понимается применительно к лицам, участвующим в деле. Предназначением института судебного представительства выступает обеспечение заинтересованному лицу получения квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1, Конституции Российской Федерации), а в случае невозможности непосредственного (личного) участия этого лица в судопроизводстве – доступа к правосудию (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 года № 15-П, от 9 июля 2012 года № 17-П, от 21 января 2020 года № 3-П и др.).

Судебный представитель, не будучи субъектом предполагаемого спорного либо же связанного с ним материального правоотношения, не является лицом, реализующим право на судебную защиту своих прав и свобод в конкретном гражданском процессе, а потому – подобно лицам, участвующим в деле, упомянутым в статьях 45–47 ГПК Российской Федерации, – не наделяется законодателем правом на возмещение судебных расходов. Возмещение судебных расходов на оплату его (представителя) услуг осуществляется понесшей их стороне, в пользу которой разрешено дело (часть первая статьи 100 ГПК Российской

Федерации), так как именно этой стороной осуществлялось право на судебную защиту ее прав и свобод.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие всех необходимых предпосылок для возникновения у представителя права на возмещение судебных издержек по гражданскому делу, в системе действующего правового регулирования с учетом выработанных судебной практикой правовых подходов не исключается возможность приобретения представителем указанного права на основании соглашения с лицом, участвующим в деле: в соответствии с пунктом 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» допускается уступка права на возмещение судебных издержек как такового, причем не только после их присуждения лицу, участвующему в деле, но и в период рассмотрения дела судом (абзац второй); переход права на возмещение судебных издержек в порядке универсального или сингулярного правопреемства возможен как к лицам, участвующим в деле, так и к другим лицам (абзац третий).

3. Гарантируемые Конституцией Российской Федерации поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, признание и равная защита различных форм собственности, право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статьи 8 и 34; статья 37, часть 1) создают правовую основу для осуществления гражданами и организациями деятельности по оказанию на основании гражданско-правовых договоров юридической помощи, в том числе путем судебного представительства других физических и юридических лиц (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 года № 15-П).

Вступая в гражданско-правовые отношения по поводу возмездного оказания юридических услуг в связи с рассмотрением судом гражданского

дела, представитель преследует, в частности, экономический интерес в получении платы за оказанные услуги. Не составляют исключения и адвокаты, чья деятельность по оказанию юридической помощи по соглашению с доверителем, не признаваемая предпринимательской деятельностью в силу прямого указания пункта 2 статьи 1 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», тем не менее носит возмездный характер (подпункт 3 пункта 4 статьи 25 того же Федерального закона).

Соглашение об оказании юридических услуг, включая услуги по составлению процессуальных документов и представительству в судах, представляет собой возмездный гражданско-правовой договор, заключаемый между исполнителем (представителем) и заказчиком (доверителем) по правилам главы 39 ГК Российской Федерации, в том числе в случае заключения указанного соглашения между адвокатом (адвокатами) и доверителем (пункт 2 статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). В силу же пункта 1 статьи 779 ГК Российской Федерации по договору возмездного оказания услуг у его сторон возникают встречные обязанности: исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

3.1. Согласно Конституции Российской Федерации право частной собственности охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, части 1 и 2). Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, понятие «имущество», использованное в означенной статье, имеет автономное значение, более широкое по сравнению с отраслевым значением, и в конституционно-правовом смысле включает в себя не только вещи, вещные права, но и иные имущественные права, в том числе права требования (постановления от 16 мая 2000 года № 8-П, от 13 декабря

2001 года № 16-П, от 10 декабря 2014 года № 31-П, от 15 февраля 2016 года № 3-П, от 26 ноября 2020 года № 48-П, от 21 мая 2021 года № 20-П, от 2 декабря 2021 года № 51-П и др.).

Несмотря на то что с точки зрения действующего отраслевого регулирования требование о взыскании судебных расходов, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, не является самостоятельным имущественным требованием (Постановление от 20 октября 2015 года № 27-П; определения от 21 марта 2013 года № 461-О, от 28 января 2016 года № 129-О, от 24 декабря 2024 года № 3558-О, от 27 марта 2025 года № 834-О и др.), оно, имея в качестве основания возникновения процессуальный акт, остается имущественным (как право требовать в свою пользу от иного лица финансовое (денежное) предоставление) и поэтому объективно является экономическим благом, может представлять ценность для участников экономического оборота, а потому охватывается понятием «имущество» в его широком (автономном) значении и охраняется, помимо прочих, положениями статьи 35 (часть 2) Конституции Российской Федерации, позволяющей, по общему правилу, каждому свободно распоряжаться принадлежащим ему имуществом.

Вместе с тем такое распоряжение имуществом, свобода экономической деятельности и свобода договоров не являются абсолютными и могут быть ограничены законом. В то же время любые их ограничения, вводимые законодателем, должны предопределяться необходимостью охраны конституционных ценностей, быть обоснованными и соразмерными цели ограничения, не затрагивать существо конституционных прав, не нарушать автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданского оборота, не допускать неправомерного вмешательства в частные дела и вместе с тем обеспечивать соотнесение принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 года № 10-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 12 мая 2020 года № 23-П, от 20 января 2026 года № 2-П и др.).

Уступка стороной, в пользу которой судом разрешено дело, права на возмещение судебных расходов на оплату услуг представителя этому представителю в счет исполнения обязательства по оплате оказанной юридической помощи представляет собой замену одного экономического блага, которое сторона изначально обязалась передать представителю в качестве эквивалента его юридических услуг (денежные средства) и утрату которого она после этого возместила бы посредством взыскания судебных расходов с противоположной стороны, на другое экономическое благо – право представителя самостоятельно взыскать подлежащую выплате ему денежную сумму в качестве судебных расходов с проигравшей стороны.

3.2. Как следует из представленных с жалобой О.О.Феофиловой материалов, нормативным основанием для отказа судов в признании ее процессуальным правопреемником в части требования А.М. о взыскании с Т.М. судебных расходов на оплату услуг представителя и, соответственно, в удовлетворении этого требования послужило указание, содержащееся в оспариваемой части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации, в соответствии с которым стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны лишь понесенные по делу судебные расходы. Действительно, данное законоположение не предусматривает возможности взыскания с другой стороны судебных расходов в размере, превышающем объем расходов, фактически понесенных стороной, в пользу которой состоялось решение суда (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 года № 1593-О-О и др.). Лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым в суде с его участием; недоказанность данных обстоятельств является основанием для отказа в возмещении судебных издержек (пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»).

Требование части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации, согласно которому судебные расходы должны быть фактически понесены стороной в связи с рассматриваемым делом, с тем чтобы стало возможным их взыскание судом с другой стороны, направлено на пресечение злоупотреблений стороны, в пользу которой разрешено дело, связанных с взысканием в качестве предстоящих судебных расходов тех расходов, которые фактически не будут ею понесены по различным причинам, и само по себе не противоречит Конституции Российской Федерации.

Между тем вывод судов общей юрисдикции о недоказанности факта несения истцом расходов на оплату услуг представителя, требование о взыскании которых было им уступлено О.О.Феофиловой, основан на буквальной интерпретации понятия «понесенные судебные расходы», содержащегося в части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации, в силу которой несение стороной судебных расходов невозможно без реального уменьшения ее имущественной массы. В соответствии с таким толкованием для того, чтобы заявительница смогла реализовать уступленное ей право на возмещение в качестве судебных расходов стоимости ее юридических услуг, истец прежде должен фактически понести расходы (уменьшить размер принадлежащего ему имущества) на оплату услуг представителя, выплатив ей вознаграждение за те же самые услуги.

3.3. В то же время нормативное регулирование оборота имущественных прав требования не содержит принципиальных препятствий для обособления права на получение компенсации расходов (имущественных потерь) на оплату услуг представителя для уступки этого права (в том числе до возникновения основания для получения возмещения расходов и возможного уточнения его содержания и условий осуществления), а также для признания возникшего у доверителя в силу договора обязательства (долга) по оплате услуг представителя (в том числе адвоката) его фактическим расходом, понесенным в форме уступки соответствующего требования.

Обособление производного требования от основного, несмотря на их тесную связь и зависимость первого от второго, допускается и в иных правоотношениях. Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит, например, из того, что – притом что неустойка, в силу Гражданского кодекса Российской Федерации являясь способом обеспечения исполнения основного обязательства (пункт 1 статьи 329) и мерой ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение (пункт 1 статьи 330), тесно с ним связана (пункт 4 статьи 329, пункт 2 статьи 330), – по общему правилу, уступка требования об уплате сумм неустойки, начисляемых в связи с нарушением обязательства, в том числе подлежащих выплате в будущем, допускается как одновременно с уступкой основного требования, так и отдельно от него (пункт 14 постановления от 21 декабря 2017 года № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»).

Известен судебной практике и подход, когда судебные издержки признаются понесенными, хотя имущественная сфера выигравшей стороны в результате исполнения обязательства по оплате услуг представителя на момент заявления требования об их возмещении не уменьшается. В частности, факт оплаты услуг представителя не стороной, заявившей требование о возмещении судебных расходов, а третьим лицом в счет исполнения денежного обязательства перед заявителем не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании расходов на оплату услуг представителя (пункт 5 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах, утвержденного информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2007 года № 121).

Нормы материального гражданского права допускают и уступку будущего требования при условии, что оно может быть идентифицировано

на момент возникновения такого требования или его перехода к цессионарию (пункт 1 статьи 388[1] ГК Российской Федерации). У доверителя по гражданско-правовому договору об оказании юридических услуг возникает обязанность (долг) в отношении представителя (адвоката) по их оплате. С уступкой требования перевод долга (т.е. обязанности по оплате доверителем своему представителю) на проигравшую в споре сторону не осуществляется: соответствующая обязанность (долг) прекращается в связи со встречной уступкой. Погашение долга, если иное не предусмотрено соглашением между доверителем и его представителем, является платой (встречным предоставлением) последнего (наряду с оказанием самой услуги) за приобретаемое у доверителя право требования.

В то же время при уступке требования кредитор, по общему правилу, отвечает за действительность этого требования (пункт 1 статьи 390 ГК Российской Федерации), а в случае, предусмотренном законом или договором, – и за его исполнимость; должник вправе выдвигать против требования нового кредитора отдельные возражения, которые он имел против первоначального кредитора (статья 386 данного Кодекса). Соответственно, обязанность по выплате суммы вознаграждения представителю (цессионарию) за оказанные им юридические услуги, несмотря на уступку требования, сохранится у выигравшей стороны (цедента). Основанием для оплаты в таком случае будет нарушение доверителем обязанности по уступке требования, отвечающего условию о его действительности (а в случае, предусмотренном договором, – и его исполнимости).

При этом практический смысл оплаты услуг представителя путем уступки ему права на взыскание их стоимости с проигравшей стороны в качестве судебных расходов состоит в том, чтобы освободить сторону, в пользу которой судом разрешено дело, от оплаты услуг представителя за свой счет и от судебной тяжбы по поводу отнесения этих расходов на противоположную сторону.

4. Вместе с тем в практике судов общей юрисдикции допускается противоречивое истолкование оспариваемой процессуальной нормы применительно к рассматриваемой ситуации уступки требования. В одних случаях суды общей юрисдикции признают правомерным отказ представителю в реализации уступленного ему права на возмещение расходов на оплату его услуг, указывая, что уступка подобного требования возможна только по исполненному обеими сторонами обязательству, тогда как в данном случае обязательство по оплате юридических услуг стороной не исполнено (определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2023 года по делу № 88-33666/2023, от 25 декабря 2023 года по делу № 88а-41372/2023 и от 18 октября 2024 года по делу № 88а-33876/2024, Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 октября 2025 года по делу № 88-25498/2025, Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июля 2024 года по делу № 88а-6638/2024).

В других случаях суды общей юрисдикции признают правомерным взыскание представителем судебных расходов на оплату его услуг по уступленному ему требованию, отмечая, что предусмотренный сторонами договора об оказании юридических услуг порядок оплаты услуг исполнителя путем уступки такого требования не противоречит публичному порядку Российской Федерации и, таким образом, отсутствуют основания полагать, что сторонами выбрана недопустимая форма взаиморасчетов и что заявитель не подтвердил несение им издержек (определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 октября 2022 года по делу № 88-24045/2022 и от 12 декабря 2024 года по делу № 88-39406/2024, Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2024 года по делу № 88-17197/2024, Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 2 мая 2024 года по делу № 88а-12415/2024, Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2024 года по делу № 88-17983/2024).

Второй подход созвучен сложившейся практике арбитражных судов, которые, применяя аналогичную оспариваемому положению часть 1 статьи

110 АПК Российской Федерации, исходят из того, что расходы на оплату услуг представителя сторона процесса несет в момент передачи права требования по договору уступки, влекущей невозможность получения возмещения с проигравшей в споре стороны самим кредитором (выигравшей стороной), но в то же время погашающей его обязательство по оплате услуг представителя (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2021 года по делу № 307-ЭС20-11335 и от 8 апреля 2025 года по делу № 310-ЭС22-25261; постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 марта 2026 года по делу № А32-47122/2023, Арбитражного суда Поволжского округа от 30 октября 2025 года по делу № А06-2819/2024, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 августа 2025 года по делу № А03-2069/2024, Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 июля 2025 года по делу № А56-96823/2021, Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 июня 2025 года по делу № А29-1968/2022, Арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2025 года по делу № А40-134853/2023 и др.).

Иными словами, доверитель несет расходы в момент перехода требования к представителю, поскольку он уступкой права лишает себя возможности пополнить свое имущество за счет денежных сумм, которые могли бы быть взысканы с процессуального оппонента в случае проигрыша последнего. При этом уступка рассматриваемого требования не безвозмездна: встречным предоставлением является оказание представителем (адвокатом) юридических услуг с освобождением доверителя от обязательства по их оплате.

5. Закрепленные в части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации, а также в части 1 статьи 110 АПК Российской Федерации и части 1 статьи 111 КАС Российской Федерации правила распределения судебных расходов в их истолковании в практике конституционного правосудия отражают относящийся к нормативному содержанию конституционного права на судебную защиту общий принцип, в силу

которого правосудие нельзя было бы признать отвечающим требованиям равенства и справедливости, если расходы, понесенные в связи с судебным разбирательством, ложились бы на лицо, вынужденное прибегнуть к судебному механизму обеспечения принудительной реализации своих прав, свобод и законных интересов, осуществление которых из-за действий (бездействия) другого лица оказалось невозможно, ограничено или сопряжено с несением неких дополнительных обременений (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 года № 20-П, от 28 апреля 2020 года № 21-П, от 15 июля 2021 года № 37-П и др.).

Другими словами, конституционно значимой целью регулирования, установленного частью первой статьи 98 ГПК Российской Федерации, выступает обеспечение стороне спора доступности правосудия путем снятия с нее имущественного бремени, связанного с ее вынужденным участием в судопроизводстве для защиты ее нарушенных или оспоренных другой стороной прав, свобод и законных интересов. Толкование оспариваемой нормы, допускающее уступку стороной, в пользу которой судом впоследствии разрешено дело, ее представителю права на возмещение судебных расходов на оплату его услуг в целях погашения обязательства по выплате ему вознаграждения, способствует достижению обозначенной конституционно значимой цели в большей степени, чем ее толкование, имевшее место в конкретном деле заявительницы. Оно позволяет снизить для победившей стороны имущественные риски, связанные с нехваткой у нее средств на выплату вознаграждения представителю, с нехваткой денежных средств и иного имущества у противоположной стороны, с уклонением последней от исполнения требования о взыскании судебных расходов, а также с уменьшением судом размера возмещения расходов на оплату услуг представителя по сравнению с заявленным. Эти риски в описанных обстоятельствах переносятся на профессионального участника рынка юридических услуг, которым является судебный представитель, по его собственному желанию, в

результате чего победившая сторона оптимизирует свои расходы и затраты на их компенсацию.

Для стороны же, с которой взыскиваются судебные расходы, истолкование части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации как допускающей уступку другой стороной права на возмещение расходов на оплату услуг представителя последнему в счет выплаты ему вознаграждения за оказанную юридическую помощь не порождает значительных дополнительных рисков и неудобств. Изменение фигуры взыскателя денежной суммы, которую проигравшая сторона в любом случае обязана была бы произвести, ее существенным образом не обременяет. Едва ли такое имущественное требование, будучи денежным и имея восстановительную (компенсационную) природу, может быть, по общему правилу, отнесено к требованиям, для которых личность кредитора (доверителя) имеет значение для должника (проигравшей стороны).

Кроме того, уступка представителю требования о взыскании расходов на оплату юридических услуг с проигравшей стороны не изменяет отраслевой принадлежности данного требования и, в частности, не отменяет применимости при его рассмотрении части первой статьи 100 ГПК Российской Федерации, которая возлагает на суд при присуждении в пользу другой стороны расходов на оплату услуг представителя (адвоката) обязанность оценивать их разумность, что, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, является одним из предусмотренных законом правовых способов, направленных против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя и тем самым на реализацию требования статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (определения от 20 октября 2005 года № 355-О, от 17 июля 2007 года № 382-О-О, от 23 июля 2020 года № 1762-О, от 29 апреля 2025 года № 988-О и др.).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации также исходит из того, что в целях реализации задачи судопроизводства по справедливому публичному судебному разбирательству, обеспечения необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер (пункт 11 постановления «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»).

При определении содержания указанного права, уступленного представителю, необходимо учитывать и иные положения гражданского процессуального права об определении размера возмещения судебных расходов. Так, судебная практика исходит из того, что выплата «гонорара успеха», являющегося своего рода премией за получение искомого результата оказанных представителем услуг, не связана с осуществлением последним каких-либо дополнительных юридических действий (притом что не подвергается сомнению необходимость оплаты труда представителя) и поэтому соответствующие суммы не должны относиться на проигравшую сторону (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2015 года по делу № 306-КГ15-4120; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2022 года по делу № 305-ЭС22-10035; постановления Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2026 года по делу № А78-2214/2022, Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2026 года по делу № А65-24213/2022 и др.). Отказ в отнесении к подлежащим возмещению судебным расходам сумм, определяемых в процентах (долях) от присужденного (взысканного) в пользу доверителя и квалифицированных судом – с учетом толкования положений договора об оказании юридических услуг – в качестве «гонорара успеха», не означает, что

соответствующие суммы не могут быть согласованы в определяемых законом случаях в договоре об оказании юридических услуг. В то же время признание судебной практикой невозможности взыскания с проигравшей стороны «гонорара успеха» ставит под сомнение и допустимость уступки рассматриваемого права в соответствующей части представителю, а значит, и возможность ее получения последним с процессуального оппонента своего доверителя.

Не исключается и применение при определении размера возмещения требования добросовестного пользования процессуальными правами (часть первая статьи 35 ГПК Российской Федерации), в силу которого суд вправе отнести судебные издержки на лицо, злоупотребившее своими процессуальными правами и не выполнившее своих процессуальных обязанностей, либо не признать понесенные им судебные издержки необходимыми, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию итогового судебного акта (пункт 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»).

Наконец, ни закон, ни судебная практика в рассматриваемом случае не содержат предпосылок для установления исключения из прочно укрепившегося при обороте прав требования и известного еще римскому праву правила о том, что «никто не может передать больше прав, чем имеет сам» (*nemo plus iuris transferre potest quam ipse habet*), и, соответственно, для наделения представителя правом, имеющим иные характеристики и условия осуществления, чем возникающие у доверителя, выигравшего судебный спор.

6. Таким образом, в случае уступки стороной судебного спора своему представителю права на взыскание расходов на оплату его услуг с проигравшей стороны соответствующие судебные расходы по делу должны признаваться понесенными в силу самого факта состоявшейся уступки, в

результате которой, по общему правилу, обязательство доверителя (цедента) по выплате представителю (цессионарию) вознаграждения прекращается. Следует признать такое обязательство прекращенным, если иное не предусмотрено соглашением об уступке, и в случае проигрыша стороны (доверителя), уступившей требование представителю (адвокату), поскольку оплата представителю и несение соответствующих расходов доверителем при таком неблагоприятном для последнего исходе осуществлена в виде передачи представителю права, имущественного по своей природе, хотя и предусмотренного процессуальным законодательством. При этом определение содержания уступаемого права и условий его осуществления (основание для выплаты возмещения и его размер, обязанное лицо (должник), срок и процедура заявления требования и др.) подчинено положениям процессуального законодательства, а условия договора уступки и управомоченное в результате ее совершения лицо определяются согласно нормам гражданского законодательства.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что законодатель, исходя из различных факторов и особенностей правоотношений, вправе прибегнуть к правовому регулированию конкретных сфер общественных отношений с использованием правовых средств межотраслевого характера. Когда сочетание публично-правовых и частноправовых элементов в правовом регулировании возникает не произвольно, а ввиду конституционно обусловленных потребностей в наиболее эффективном решении государственных задач, нет повода усматривать в этом отступление от принципов правового государства (Постановление от 8 июля 2025 года № 28-П и др.).

Возникновение уступаемого права происходит в связи с началом судебного разбирательства, притом что необходимым условием его осуществления является факт разрешения судом спора в пользу стороны по основному материально-правовому спору (доверителя), а также определение и присуждение подлежащей возмещению денежной суммы. Такое понимание регулирования процессуальных отношений в части права

на возмещение судебных расходов в случае заключения договора об уступке до начала судебного процесса или до вынесения решения в пользу доверителя не противоречит и нормам материального гражданского права. Так, в соответствии со статьей 327^1 ГК Российской Федерации осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству может быть обусловлено, помимо прочего, наступлением обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон. Конституционный Суд Российской Федерации ранее обращал внимание на то, что частному праву известны случаи приобретения по сделке права на приобретение права, возникновение и осуществление которого зависят от наступления определенных условий (Постановление от 25 сентября 2025 года № 31-П и др.). К такого рода правам может быть отнесено и возникающее из процессуальных правоотношений право на возмещение судебных расходов на оплату услуг представителя.

Противоположный же подход, которого придерживались суды общей юрисдикции в деле О.О.Феофиловой, вопреки статьям 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации создает препятствия для реализации выработанной в юридической практике и востребованной сторонами договора возмездного оказания юридических услуг модели (формы) взаимных расчетов, которая освобождает выигравшую сторону от бремени оплаты юридической помощи за собственный счет и связанных с этим экономических рисков, перенося эти риски на профессионального участника рынка юридических услуг по его собственному желанию и при этом не ухудшая положения проигравшей стороны, и которая вследствие этого способствует достижению конституционно значимой цели обеспечения каждому доступности правосудия вне зависимости от его имущественного положения (статья 19, части 1 и 2; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Поскольку наличествует противоречивая судебная практика, во избежание неравенства перед законом и судом необходимо, принимая во

внимание статьи 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, прибегнуть к конституционно-правовому истолкованию оспариваемой нормы, презюмируя, что воля законодателя согласуется с конституционными требованиями и ориентирована на расширение возможностей уступки права на компенсацию расходов на оплату услуг представителя (адвоката) стороной спора, рассматриваемого в суде, в качестве формы оплаты соответствующих юридических услуг. Такое истолкование учитывает значение конституционной гарантии судебной защиты прав и свобод, включая необходимость обеспечения реального доступа к правосудию, а также конституционного права на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, с учетом того что институт уступки требования обеспечивает оборотоспособность права на возмещение судебных расходов, основанием возникновения которого является вынужденное несение лицом таких расходов в связи с участием в судебном разбирательстве, а условием осуществления – вынесение решения в пользу одной из сторон.

Этим не исключается возможность совершенствования законодательного регулирования условий возмещения стороне, в пользу которой вынесено судебное решение, расходов (издержек) на оказание ей юридических услуг в случае оплаты ею таких услуг посредством уступки права на взыскание этих расходов в пользу представителя (адвоката).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47^1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 98 ГПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему

конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования данное нормативное положение предполагает необходимость признания расходов на оплату услуг представителя понесенными стороной, в пользу которой состоялось решение суда, в случае уступки этой стороной своему представителю права на возмещение указанных расходов в счет выплаты ему вознаграждения за оказанные услуги; при этом такая уступка не отменяет применения предусмотренных процессуальным законодательством условий реализации права на возмещение расходов на оплату услуг представителя, в частности их присуждения лишь в разумных пределах.

Придание части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации иного смысла, как это имело место в деле заявительницы, приводило бы к нарушению конституционных прав граждан и вступало бы в противоречие со статьями 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Конституционно-правовой смысл части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные постановления по вопросу о взыскании в пользу гражданки Феофиловой Оксаны Олеговны судебных расходов на оплату услуг представителя, вынесенные на основании части первой статьи 98 ГПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно, не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (*www.pravo.gov.ru*).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 60-П